

«Городская давно, а душа всё болит...»

Сельские «блаженные» – герои рассказов Татьяны Грибановой

В большую литературу она вошла уже зрелым человеком. Вошла уверенно. Спустя всего пять лет после выхода первой книжки стихов заставила говорить о себе как о ярком самобытном даровании, одном из немногих орловских литераторов, в творчестве которого гармонично сочетаются и поэзия, и проза. Речь идёт о члене Союза писателей России Татьяне ГРИБАНОВОЙ, чей недавний творческий вечер прошёл в библиотеке им. Бунина. А потом у нас был долгий и неспешный разговор...

– После выступлений ваших коллег-писателей и фотовыставки «Одна из тысяч на Руси...» о последних днях жизни вашей малой родины, становится понятным, почему рассказы Грибановой пахнут «травмами и парным молоком», почему читаются на одном дыхании, а герои, которые переходят из рассказа в рассказ, кажутся похожими на односельчан из собственного детства...

– Да, я родилась в деревне Игино Сосковского района, в которой свет по вечерам уже не один год горит только в одном доме. Зажигает его последний, единственный житель деревни – мой отец. На многолетние уговоры переехать в город отвечает категорическим отказом. Его держат могила мамы и характер: «Пока в Игино жив хоть один человек, деревня не будет считаться умершей». Один за другим я фотографировала для выставки давно покинутые, покосившиеся от одиночества дома, а отец, вытирая слёзы, шёл впереди меня по пустынной улице и, словно проверяя свою память, вспоминал возле каждой избы, кто из его учеников жил здесь. А мне и напрягаться не нужно: односельчане давно стали героями моих рассказов, потому что я не могу и никогда не смирюсь с исчезновением моей деревни с карты Орловской области. Эту боль, как говаривала моя бабушка, «ни запить, ни заесть».

– Ваше детство было особенным?

– Я родилась в учительской семье. После окончания Орловского пединститута родители получили направление в село, где мама учила русскому языку и литературе, а папа – выпускник факультета иностранных языков – кроме немецкого преподавал мальчикам «труд», был мастером на все руки. А ещё считался первым на селе гармонистом, поэтому его нагрузили и часами пения. В раннем детстве родителей видела редко, воспитывала меня бабушка Анна Григорьевна – деревенская травница и повитуха, блюстительница всех православных праздников, большая рукодельница, хранительница языка, сказительница. Как и она, «я не скопила в сундуках богатства, / и бриллианты в сейфах не горят...».

– В рассказе «От Рождества до Покрова», который я прочитала на одном дыхании и обзавидовалась тому, что в вашем детстве были бабушка с дедушкой (своих я знаю только по рассказам родителей), вы поминаете их почти на каждой странице. Вот, например, крохотный отрывок, светло всколыхнувший и мою память:

«В Чистый четверг с утра бабушка готовит кринки и махотки. В печке томится молоко, откидывается творог, собираются в узелочки яйца. Под Светлое воскресенье идём с ней к одиноким и хворым, несём угощения к празднику. Бабушка разливает по пузырьрёчкам какое-то благовонное снадобье, которое накануне варила под шёпот молитв. Может быть, в нём и не хватает всех компонентов, но она уверенно называет его «миро» и одаривает в

Великий четверг односельчан. А ещё – пережигает спозаранку в печи соль с квасною гущей.

– Осквернил её Иуда-предатель, надобно очистить, – растолковывает бабуля.

Хранит в коробочке на божничке и лечит ею от всевозможных болезней. Запах и свойства этой соли особые, и называется она великочетверговая».

– Это картинки детства, мне ничего не нужно было придумывать. Вообще я считаю, что литература тогда интересна, когда держится на том, что пережито и сохранено памятью.

– Если я не ошибаюсь, первый сборник стихов «Апрель» вышел, когда вам было уже за сорок, а вошедшие в него стихи написаны были всего за несколько месяцев. Что произошло?

– Вы не первая спрашиваете об этом. С возрастом воспоминания детства, дорогие мне люди и места стали проситься на бумагу. Я так воспитана, что не могу быть равнодушной к тому, что происходит в стране, на моей малой родине. «Городская давно, а душа всё болит о нелёгкой судьбе хуторян-земляков», – строки этого давнего стихотворения отражают мою жизненную и гражданскую позицию. Пишу о деревне, о её болях и скудных радостях. Пишу о ней стихами и прозой. Всё больше обращаюсь к гражданской лирике. Пишу о природе, о любви. Интересуюсь историей, обращаюсь к её темам. Вот неожиданно для себя написала поэму о Судбищенской битве...

– А помните ли свои первые строфы? О чём они?

– На каникулы из Москвы приехала моя старшая дочь. Это сейчас она перспективный преподаватель Академии художеств им. Ильи Глазунова, а тогда была студенткой и рассчитывала на мою помощь. А может, приехала меня поддержать, потому что тогда я осталась без работы. Мы долго в тот вечер говорили, помню, что далеко за полночь я уснула с чувством сильного смятения. А ночью мне приснилась известная притча о человеке, который просит у Бога более лёгкий крест для себя. Творец предлагает ему самому выбрать. Тот долго перебирал, а когда наконец выбрал, то узнал в ноше... свой же крест. На рассвете меня словно сдуло с постели, я села к столу и, не вставая, записала 30 строф – это 120 строк на тему ночного сна. Никогда больше такого со мной не случилось! Но и уныния той ночи я больше не допускала...

– У вас бывают периоды творческой «немоты», знакомы ли вам муки, порождённые отсутствием сюжета, темы?

– Думаю, что временная немота для литератора – это благо. Я использую её для чтения. Читаю новые работы орловских коллег, перечитываю своих любимых авторов – Евгения Носова, Сергея Есенина, Николая Рубцова, Анатолия Жигулина, Владимира Молчанова... А бестемье мне незнакомо, сюжетов для стихов и рассказов – на несколько сборников. Чтобы родилось стихотворение, мне иногда достаточно одного-единственного слова в чужом тексте. Тему может спровоцировать и редкая палитра заката, и аромат незнакомого цветка, и услышанная мимоходом фраза, и сценка в городском транспорте. По крайней мере, если приходит строчка, я её не мучаю – пусть отлежится, созреет. Переключаюсь на прозу.

Моя малая родина – это срез России, а она – бесконечна. Не закикливаюсь только на своём творчестве, принимаю приглашения на участие в творческих мероприятиях –

например, в работе жюри литературных конкурсов, которые проводятся в Орле, в городах Белгородской и Курской областей. Выступаю перед читателями библиотек, в школах и вузах... Есть у меня и своя литературная студия. Раз в месяц встречаюсь с молодёжью посёлка Сосково: разбираем написанное начинающими поэтами, читаю своё, знакоблю с новыми произведениями своих коллег. Знаете, студия в Сосково – это последняя нить, которая связывает меня с малой родиной, и я не хочу её обрывать даже тогда, когда в родном Игино не останется ни одного жителя...

– Два поэтических сборника изданы, а как скоро читатели увидят сборник рассказов?

– Пока книга ждёт в орловском издательстве своей очереди, но почти все рассказы из неё живут своей жизнью: как и новые стихи, они публикуются в литературных журналах Москвы, Воронежа, Белгорода, Чебоксар, Алма-Аты... Готов цикл новых рассказов о земляках-хуторянах, но даже в самом печальном сюжете я оставляю место для надежды. Без неё нельзя...

Записала Валентина Новошинская

Впечатления

Владимир Молчанов, секретарь правления СП России, председатель Белгородского отделения СП:

– Читая стихи и прозу Татьяны Грибановой, убеждаешься в том, что перед нами вполне состоявшийся автор со своим неповторимым голосом, ярким, самобытным и сочным языком. Она и в прозе остаётся поэтом.

Ирина Семёнова, поэт, лауреат многих литературных премий:

– Татьяна Грибанова следует лучшим традициям русской прозы. Это совершенно независимый и самостоятельный писатель со своей темой, со своим лицом, а главное, со своим, только ей присущим – искромётным, сверкающим – языком, который легко отличим от языка множества «пишущих под фанеру» безликих писателей.

Анатолий Загородний, лауреат Всероссийской премии им. И. А. Бунина:

– Написанные без затей, сугубо укоренённые в русской традиции рассказы орловского поэта Татьяны Грибановой отдают утраченной уже русской прозой свежестью, возвращают к забытым нами христианским ценностям, к тихим человеческим радостям.